

УДК 811.14

К. А. Климова, И. О. Никитина

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.15

**Традиционная культура ромеев и урумов
(по материалам этнолингвистической экспедиции
к грекам Кавказских Минеральных Вод)**

Климова Ксения Анатольевна
Кандидат филологических наук, доцент
МГУ имени М. В. Ломоносова
119192, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская
Федерация
Научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Никитина Инна Олеговна
Аспирант
Европейский университет в Санкт-Петербурге
191187, Гагаринская ул., д. 6/1-А, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: solreune@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Цитирование

Климова К. А., Никитина И. О. Традиционная культура ромеев и урумов (по материалам этнолингвистической экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод) // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 302–319. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.15

Финансирование

Авторская работа И. О. Никитиной выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

Статья поступила в редакцию 06.05.2023.

Рецензирование завершено 01.08.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

Статья основана на материалах, собранных в этнолингвистической экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод в январе 2023 г. Греческое население этого региона представлено двумя языковыми группами: греками-урумами, носителями

тюркского диалекта, и греками-ромеями, носителями понтийского диалекта греческого языка. В статье рассматриваются номинации этих двух групп и их языков, дается краткая историческая справка о переселении греков на территории Российской империи, а также описывается современное состояние общественно-культурной жизни диаспоры. Основной целью экспедиции была фиксация лексики похоронно-поминальной обрядности на тюркском и на понтийском диалекте: в тексте приводятся основные лексемы и формульные выражения на двух языках, которые обслуживают единый ритуальный комплекс. Многие из зафиксированных лексем понтийского диалекта являются уникальными, не имеющими аналогов в новогреческом языке: например, *λυτρία* (*литрия*) ‘поминки’ или *σκώστικα* (*скостика*) ‘поминальный обед’. Также рассматривается лексика, используемая для номинации мифологических персонажей. Отмечается, что среди грекоговорящих ромеев мифологические представления практически утрачены. Наша экспедиция отметила высокую степень сохранности представлений о комплексе традиционной культуры у греков Кавказских Минеральных Вод.

Ключевые слова

Греки России, греческая традиционная культура, этнолингвистика, понтийские греки, похоронно-поминальный обряд.

С 21 по 31 января 2023 г. научно-исследовательская группа в составе К. А. Климовой, доцента кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, научного сотрудника Научно-образовательного центра славистических исследований Института славяноведения РАН, и И. О. Никитиной, аспирантки факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, провела этнолингвистическое исследование традиционной культуры греков Кавказских Минеральных Вод. Эта экспедиция продолжает серию полевых исследований языка и культуры греков России, начавшуюся в июле 2022 г. с экспедиции в город Сочи и его окрестности¹.

В ходе экспедиции были обследованы населенные пункты на территории Ставропольского края – г. Ессентуки, ст. Ессентукская, ст. Суворовская, пос. Санамер, пос. Иноземцево, с. Дубовая Балка (Андроповский район), с. Греческое (Минераловодский район), а также

¹ Обзор экспедиции см. (Климова, Никитина 2022).

населенные пункты Карачаево-Черкесской Республики – с. Спарта (Адыге-Хабльский район) и с. Хасаут-Греческое (Зеленчукский район). Работа велась по этнолингвистическому вопроснику А. А. Плотниковой (Плотникова 2009), а также по дополнительному вопроснику, специально разработанному для полевых исследований традиционной культуры и языков греков, проживающих на территории России. Основной целью экспедиции был сбор лексических материалов из сферы похоронно-поминальной обрядности и описание общей этнолингвистической ситуации в населенных пунктах, где компактно проживает греческое население. Был подробно записан комплекс обрядовых действий, относящихся к погребению покойного, и греческая, турецкая и русская лексика, обслуживающая обряд, а также материалы по родильной, свадебной обрядности², народному календарю, сельскохозяйственным и скотоводческим обрядам. Всего было опрошено 52 информанта в возрасте от 25 до 95 лет, собран архив интервью объемом более 70 ч. аудиозаписей и 15 Гб фото- и видеоматериалов. Весь архив собранных материалов в электронном виде хранится на кафедре византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Греческое население исследованного региона представлено двумя языковыми группами: греками-эллинофонами, которые говорят на понтийском диалекте греческого языка³, и греками-тюркофонами, которые говорят на историческом северо-восточном диалекте турецкого языка⁴. Эллинофоны используют самоназвания *Ρωμαίος*⁵ (*ромéос*)

2 Благодарим студентку филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Пелевинову М. В. за помощь в записи и обработке материалов по греческой свадебной обрядности.

3 Понтийский диалект на материале, собранном в Грузии и в Краснодарском крае, описан в работе Ф. А. Еловой (Елова 1997).

4 Этот диалект изучался советскими тюркологами в 1940-е и 1950-е гг., см. (Кононов 1982: 255).

5 Понтийские лексемы сознательно приводятся нами не в упрощенной орфографии, со стремлением показать этимологию в тех случаях, где это возможно. Все понтийские лексемы записаны в греческой орфографии. Для обозначения звука [ш], отсутствующего в новогреческом языке, используется графема *ŝ*. Также, для удобства чтения, понтийские лексемы в нашем тексте транскрибированы кириллическим алфавитом с использованием следующих специальных графем: *θ* для обозначения глухого зубного щелевого согласного, *δ* для звонкого зубного щелевого, *υ* для звонкого велярного спиранта (фрикативного «г»).

‘грек’, *Ρωμαίσα* (*ромéиса*) ‘гречанка’, *Ρωμαίοι* (*ромéи*) ‘греки’. Слово *ромéос* буквально означает ‘римлянин’, таким же самоназванием пользовались жители Византийской империи. Самоназвание понтийского языка – *ρωμαίικα* (*ромéика*) ‘ромейский язык’. Греки-урумы пользуются самоназванием *urum*⁶ ‘грек, гречанка’, *urumlar* ‘греки’, происходящим от того же корня, что и *ромéос*. Свой язык они называют *musulmanca* ‘мусульманский язык’, *osman dilca*, *osmanca* ‘османский язык’ или *bizim dilca* ‘наш язык’. На русском обе языковые группы называют себя *греками*. В ходе полевой работы нами были зафиксированы две уникальные лексемы, используемые греками-урумами для номинации греков-ромеев и понтийского диалекта греческого языка, на котором они говорят: *nebe* ‘понтийские греки-ромей’ и *nebеса* ‘понтийский’ соответственно. Обе лексемы восходят к популярному в понтийском диалекте апеллятиву *néne* (*véne*), использующемуся для привлечения внимания собеседника, с примерным значением ‘эй’, ‘послушай, парень’, при этом в тюркском варианте происходит озвончение согласного «п» в интервокальной позиции.

В русскоязычной научной литературе последних десятилетий чаще всего используется общее обозначение «понтийские греки» для греков – выходцев с территорий Малой Азии, а именно с южного побережья Черного моря (область с древнегреческим названием *Πόντος* ‘Понт’). Отметим, что номинация «понтийцы» («понтийские греки») нашими информантами практически не используется как эндоэтноним⁷. Но и в качестве экзоэтнонима «понтийские греки» вошли в русскоязычный научный дискурс только с 1990-х гг., будучи заимствованием из западной академической традиции обозначения *Pontic Greeks*. В советских этнографических работах греки, проживающие на Кавказе и в Закавказье, классифицировались

6 Тюркские лексемы записаны латиницей с использованием орфографии современного турецкого языка (там, где это было возможно).

7 Исследователь А. Попов в своей работе, посвященной идентичности греков Краснодарского края и республики Адыгея, высказывает мнение о том, что понтийская идентичность была «импортирована» из Греции (где понтийцами изначально называли малоазийских греков, прибывших в страну после обмена населением с Турцией в 1923 г.) вследствие распада СССР и образовавшихся из-за этого транснациональных связей (Попов 2016: 5). Действительно, многие наши информанты, подобно информантам Попова, отмечали, что до 1990-х гг. они не знали о том, что они понтийцы, и считали себя «просто греками».

на основании либо языкового (эллинофоны, грекофоны, грекоязычные, тюркофоны, турецкоязычные и т. п.), либо территориального признака группы (цалкинские, абхазские, кавказские). Отдельного упоминания заслуживает термин *урум* – это самоназвание греков-тюркофонов вошло в научный обиход некоторых советских исследователей как внешняя классификация, в отличие от самоназвания *ромей*. Грузинские этнографы послевоенного периода ставили под вопрос «этническое происхождение» греков, говорящих на «чужом», турецком языке. Для этих исследователей было характерно определять цалкинских урумов⁸ как конфессиональную общность, состоящую из различных «этнических элементов» (греков, грузин, армян, татов и т. д.), объединенных общей православной верой (см., например: Робакидзе 1948; Пашаева 1972; Чиковани 1972). В настоящей статье термин *урумы* призван отсылать не к эссенциалистским суждениям некоторых советских ученых и устаревшим исследованиям этногенеза, а к самоназванию изучаемой этноязыковой группы.

Греческое население Ставропольского края значительно возросло⁹ за десятилетия, последовавшие за распадом Советского Союза, когда греки стали покидать территорию Грузии. Так, в Ставропольском крае сейчас проживают потомки цалкинских (грузинских) греков, переселявшихся в XIX – нач. XX в. из Османской империи в южные части Грузии, которые относились тогда к Российской империи. Несмотря на то, что греки, по большей части горнопромышленники (Ξανθοπούλου-Κυριακού 1993: 95; Акритас 1962: 422), прибывали из Анатолии в Закавказье и раньше, массовое переселение началось по окончании Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., когда армия Российской империи вынуждена была отступить с завоеванных территорий: Гюмюшхане, Эрзерума, Карса, Байбурта (Φωτιάδης 1999: 42). Вслед за армией последовало и христианское население (греки и армяне) из областей Аргируполи и Эрзерума, помогавшее России в этой войне и боявшееся преследований со стороны турок (Ξανθοπούλου-Κυριακού 1993: 100). Граф И. Ф. Паскевич, генерал войны 1828–1829 гг.,

8 Термины урумы и урумский язык применяются в научной литературе и к другой греческой группе, проживающей на территории бывшего СССР, а именно к приазовским (мариупольским) грекам-тюркофонам. См. например (Баранова 2010).

9 Сейчас численность греческого населения в городе Ессентуки и в близлежащих населенных пунктах, по оценкам разных греческих организаций, составляет от 20 до 40 тыс. человек.

направил царю Николаю I ходатайство с просьбой принять христиан, помогавших в сражениях, на территории Российской империи (Ibid.: 101). Греки поселялись на территориях Цалкинского плато – малообжитых местах с тяжелым климатом; главной сельскохозяйственной культурой, выращиванием которой занялись греки, стал картофель (Иванова 1999: 115–116). Переселение продолжалось волнами на протяжении XIX и XX вв. Греки селились в Цалкинском (где было наибольшее количество греческих сел), Тетрицкаройском, Боржомском, Марнеульском и Дманисском районах Грузии, небольшой процент греческого населения сохраняется в этих муниципалитетах и сейчас. По данным довольно поздней переписи 1989 г., когда новые миграционные процессы уже начались, на территории Грузии проживало 100 тыс. греков, а в Ставропольском крае – около 28,5 тыс. (Там же: 119). Первые массовые отъезды из Грузии на Ставрополье были обусловлены строительством ГЭС на реке Храми в 1930-е гг. и затоплением нескольких сел (Иванова 1991: 12). Спорадические переселения продолжались и с окончанием строительства ГЭС, а после провозглашения независимости Грузии в 1991 г. в связи с политической нестабильностью греческое население стало уезжать в Грецию, на Кипр или в Россию, преимущественно в Ставропольский край.

Сейчас на территории Кавказских Минеральных Вод функционирует множество культурных центров, целью которых является сохранение и передача греческой культуры. Можно сказать, что «греческая культура» здесь совмещает в себе два компонента: 1) элементы, ассоциирующиеся с государством Греция и его узнаваемыми культурными образами¹⁰, и 2) характерные элементы понтийской, малоазийской традиции. К последним можно отнести, в первую очередь, понтийские танцы и музыку, игру на традиционных музыкальных инструментах (например, на *лире*, она же *кемендже*). Согласно А. Попову, музыкально-танцевальные практики являются важнейшим способом

10 Так, при содействии культурных центров греки России отмечают греческие национальные праздники (День Независимости Греции 25 марта или День «Охи», то есть годовщину отклонения Грецией фашистского ультиматума и вступление во Вторую мировую войну, 28 октября). В многочисленных греческих кафе в Ессентуках подают блюда греческой, а не понтийской кухни (например, гирос, фраппе, бугацу). Эти же узнаваемые праздники и национальная еда Греции используются как маркеры идентичности понтийских греков в Интернете, см. (Климова 2018). Таким образом понтийская культура вписывается в общегреческий контекст.

репрезентации этничности у понтийских греков, но при этом исследователь отмечает, что российские греки изучали свою «традиционную культуру» опосредованно – от учителей танцев, обученных в Греции, через привозные учебники и т. п. (Попов 2016: 167). В этой парадигме он говорит о «воскрешении понтийскости»¹¹ (*the resurrection of Ponticness*) посредством такого перформанса (Ibid.: 169). Важно отметить, что полевая работа Попова проходила в начале 2000-х гг., и, на наш взгляд, описываемая им транснациональная реальность к сегодняшнему дню претерпела значительные изменения. Ориентация на Грецию и участие Греции в формировании внешних проявлений культуры стали более редким явлением. Многие из наших информантов рассказывали о том, что после распада Советского Союза они стали ездить на заработки в Грецию или на Кипр – кто-то пытался обосноваться на новом месте навсегда, но нашими собеседниками были те люди, которые в итоге вернулись в Россию. Тем не менее, у многих греческих семей, с которыми мы беседовали, есть родственники, постоянно живущие в Греции или на Кипре. Локальная идентичность крайне важна для наших информантов, а история греческих сел Грузии и Малой Азии, история родов и семей, равно как и история понтийских греков и их переселения в целом, становится предметом множества краеведческих и исторических книг (см.: Димидов 2013; Катанов 2022; Καρυπίδου 2021).

В школах и центрах дополнительного образования в Кавказских Минеральных Водах преподается новогреческий язык, существуют курсы и для взрослых. Есть также и языковые активисты, которые продвигают идею сохранения понтийского диалекта. Понтийский преподают на курсах, но происходит это гораздо реже, чем с новогреческим¹². Ситуация с тюркским диалектом, *musulmanca*, более сложная.

11 Здесь хочется отметить, что такой взгляд на идентичность понтийских греков несколько упрощает сложно поддающийся описанию феномен и попросту списывает со счетов действительно передававшиеся от поколения к поколению обряды и обычаи. Выступления любых национальных танцевальных ансамблей – не только греческих – несут на себе отпечаток «возрожденной традиции». Отдельной дискуссии, конечно, заслуживает и содержание термина «понтийский» в исследовательских дискурсах и в представлениях наших информантов – однако такое обсуждение выходит за рамки нашей статьи.

12 В Пятигорском университете до недавнего времени понтийский язык преподавался в качестве факультатива Д. И. Зимовым, автором

По нашим данным, его нигде не преподают, то есть единственный способ выучить этот язык – перенять его от старших родственников. При этом часть информантов отмечала, что они бы предпочли, чтобы их дети выучили не этот «чужой» язык, а новогреческий. Тем не менее тюркский продолжает активно использоваться в быту, особенно старшим поколением. С помощью нашего информанта – носителя диалекта нам даже удалось записать на *musulmanca* несколько интервью. На понтийском же языке общаются между собой люди преимущественно старшего и отчасти младшего поколения. Важно отметить, что языком пользуются не только в быту: современный поэт из Ессентуков В. Стофорандов пишет на понтийском свои стихи (Стофорандов 2017).

Как уже упоминалось, основной целью экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод было изучение лексики похоронно-поминальной обрядности¹³. Нам удалось записать лексемы из понтийского диалекта, не зафиксированные предыдущей экспедицией в Краснодарский край¹⁴, а также значительно расширить материал за счет тюркских лексем. В этой статье мы приводим и тюркские, и понтийские лексемы со стремлением показать, как лексика двух разных языков обслуживает единый ритуальный комплекс.

Подробные представления о загробном мире и «уходе души» не фиксируются среди наших информантов. Тем не менее, если в Сочи упоминание об Архангеле Михаиле, который забирает души людей, было единичным, здесь мы встречались с ним гораздо чаще. Греки-урумы называли Архангела Михаила *can alan* ‘забирающий душу’. Представления об Архангеле Михаиле, забирающем души, повсеместно встречаются в Греции. В греческом фольклоре Михаил выполняет эту функцию наравне с Харосом – персонификацией смерти, фольклорным персонажем, прототипом которого является античный Харон (см., например: Стельник 2012). Среди понтийских греков представления о Харосе не фиксируются. Мы записали лексемы, связанные

понтийско-русского словаря (Зимов 2022). М. Катанов, автор грамматики понтийского языка, периодически набирает группы для обучения.

13 Несмотря на то, что в дальнейшем тексте представлена «общая картина» ритуального комплекса греков Кавказских Минеральных Вод, следует учитывать, что обряды имели и имеют локальные варианты как во время проживания наших информантов в Грузии, так и при их проживании в России.

14 См. описание похоронно-поминального обряда понтийских греков на этих материалах (Климова, Никитина 2022б).

с загробным миром, от обеих языковых групп: *παράδεισον* (*пара́дисон*) и *seppet* ‘рай’, *ἀδης* (*а́дис*) и *sehennet* ‘ад’. Греки-ромей про умершего говорили *ἐπῆεν ἐκεῖ σον κόσμον του* (*эпи́ен эки сон ко́змон ту*) «он ушел туда, в свой мир», или *σον ἄλλον τον κόσμον* (*сон а́ллон тон ко́змон*) «в иной мир». Также могли говорить, что *ψή* (читается как *пиши*) ‘душа’, мн. ч. *ψῆα* (*пи́и́я*) (в тюркском – *сан* ‘душа’) отправляется *σον ουρανόν* (*сон урано́н*) «на небо» или *σο καλόν τον τόπον* (*со кало́н тон то́пон*) «в хорошее место». Похороны в понтийском диалекте обозначаются лексемой *θάνατον*, *θάνατος* (*θάнатон*, *θάнатос*). Также в смысле «иду на похороны» могут говорить *πάω σο λείψανον*¹⁵ (*па́о со лимпсанон*), букв. «иду к телу». Погребение совершалось на третий день (или на четвертый, если третий день выпадал на понедельник, среду или пятницу), до сих пор этот православный обычай остается важным для греков и по большей части соблюдается. Для описания бдения над покойным используется глагол, уже зафиксированный нами в Краснодарском крае: *μονάζω* (*мона́зо*) ‘проводить время (у покойника)’, ср. *να μονάζετε τον αποθαμένον* (*на мона́зне тон апо́тамэнон*) «провести время с умершим». Отметим, что эта лексема характерна лишь для понтийского диалекта, в новогреческом языке в таком значении она не встречается.

Подготовка покойного к погребению проводилась во дворе дома – тело омывали, расположив на досках (также для этих целей могла использоваться дверь дома, снятая с петель), переодевали и заворачивали в саван¹⁶. Понтийская лексема *σάβανον* (*са́ванон*) аналогична общегреческой. В тюркском для обозначения савана используется лексема *kefen*. Лентами, оторванными от савана, подвязывали руки и ноги покойного, а перед тем, как опустить гроб в могилу, их развязывали. Ленты забирали с собой, чтобы использовать в магических практиках (например, они применялись при лечении *испуга*¹⁷),

15 В новогреческом языке аналогичная лексема *λείψανο* [*lípsano*] ‘останки, мощи, тело’ может обозначать тело умершего, но чаще используется во множественном числе (*λείψανα* [*lípsana*]) в значении ‘мощи святых’.

16 Если сейчас саваны приобретаются в специализированных магазинах, то раньше их изготавливали (зачастую люди делали это еще при жизни) из полотна или простыни белого цвета. Говорили, что саван нельзя было подшивать, поэтому его просто отрезали и подвязывали цветными нитками, а красными шерстяными нитями на нем вышивали крест. Нитки и иголку, использовавшиеся при этом, клали в гроб и хоронили вместе с покойным.

17 *Испуг* занимает особое место в представлениях понтийских греков о народной медицине, существуют различные способы избавления

или же оставляли в гробу. Гроб в понтийском может обозначаться как *κασέλα* (*касэла*), *κοῦπον*¹⁸ (*кúпон*), а также лексемой *ταπούτ* (*тапу́т*), заимствованной из тюркского диалекта (*tabut* ‘гроб’). Существовало представление о том, что могилу (понтийская лексема – *ταφίν* (*тафíн*), тюркская – *mezar*) нельзя было оставлять «открытой» на ночь: ее либо выкапывали наутро перед похоронами, либо выкапывали заранее только половину. На похоронах в могилу могли кидать монеты (по другой версии, класть их в карман покойному), чтобы умерший мог «выкупить там землю» или купить свечи. Также от некоторых информантов было записано представление о том, что яму для женщин надо было выкапывать глубже, чем для мужчин, чтобы женщина находилась ниже. Кладбище в понтийском обозначалось словом *ταφία* (*тафíя*) ‘могилы’, тюрк. *mezarlık* ‘кладбище’.

Поминальный комплекс ритуалов представлен посещением могилы и поминовением умершего в день похорон, на девятый день (*σα εννέα* (*са энéа*) «на девять дней»), на сороковой день (*σα σεράντα* (*са серáнда*) «на сорок дней») и на год (*χρονιακόν* (*хроньякóн*) ‘годовщина’) по прошествии смерти. Подробно нами была записана лексика поминальной обрядности на понтийском диалекте. Сороковой день знаменует собой окончание траура, и вместо *λύπην κρατεί* (*лúпин кратí*) «он / она держит траур» могут говорить *σεράντα κρατεί* (*серáнда кратí*) «держит 40 дней»¹⁹, потому что именно столько длился строгий траур. На этот день приходят на кладбище, на могиле сжигают траурные платки и оставляют на ней огарки свечей, горевших дома все 40 дней. Поминальная трапеза в доме после погребения называлась *σκώστικα* (*скóстика*) ‘поминальный обед’ от *σκώνω το λείψανο* (*скóно то лúмпсано*) ‘поднимать тело’, т. е. лексема связана с поднятием и выносом гроба. Также зафиксирована лексема *λυτρία* (*литрíя*) ‘поминки’, вероятно производная от *λυτρώνω* (*литрóно*) ‘освободить,

от него, предполагающие контакт со сферой смерти. На понтийском про человека, который испугался, *εφωβέθη* (*εφοβέθη*), говорят *(α)χπαραμένος* (*ахпарамéнос*) ‘испугавшийся’. Ленты от савана могли на 40 дней повязывать на ножки той кровати, где умер человек, а потом раздавать тем, кто страдал от испуга. Для избавления от этого недуга испугавшийся человек вдыхал дым от подожженных лент.

18 Возможно, от греческого *κοῦπα* < лат. *сира*, < праиндоевр. **kewp-* ‘пустота, полость’. Ср. др.-гр. *κοῦπα* ‘ров типа колодца, могила’.

19 В тюркском зафиксировано аналогичное выражение: *qırxni dutir* ‘держит сорок дней по нему’.

избавлять'. Помимо ритуального блюда *кокии* (понт. *κουκία, κοκία* (*кукия, кокия*), также *το σινίν* (*то синин*), тюрк. *edik* 'кутья')²⁰, в день похорон и на последующие поминки гостям раздавали *συχωριαστά* (*сихорьяста*) – специальные угощения (конфеты, булочки, фрукты), чтобы помянуть умершего. Вероятно, лексема *συχωριαστά* происходит от глагола *συ(γ)χωρώ* (*си(н)хорó*) 'прощать'. Семантика прощения встречается и в других понтийских лексемах, связанных с похоронно-поминальной обрядностью: так, на поминках принято говорить фразу *ο Θεός να συχωρέσ'* (*о теос на сихорéш*) «пусть Господь простит [умершего]». Про человека, который давно умер, могут сказать *σχωρεμένος* (*схоремéнос*), ж. р. *σχωρεμέντζα* (*схоремéнца*) 'покойный, покойная', букв. «прощеный». Применительно к поминальным застольям (вне зависимости от дня их проведения) может употребляться лексема *τα φαίια* (*та фаи́я*) 'трапезы'. Существовали поминальные дни в течение календарного года; ср. *λημονημένον σάββα* (*лимони́мон са́ван*) 'поминальная суббота'. Возможно, лексема *λημονημένον* образована от глагола *ελεμονώ* (*элемонó*), в этом контексте употребленном в значении 'освящать'. Также справляли поминки через неделю после Пасхи (в понедельник или вторник) – назывались они *μυροθανάτ* (*мироthanát*), внутренняя форма – 'судьба + смерть', ср. *σα ταφία πάγο μυροθανάτ ημέραν* (*са тафи́я па́го мироthanát имéран*) «иду на кладбище в поминальный день». Записано свидетельство о том, что могли справлять общие поминки по всем умершим в определенный временной промежуток (5–10 лет): такие поминки назывались *ψαλμόν* (*псальмóн*), от глагола *ψάλλω* (*псáло*) 'отпевать'. Другое зафиксированное значение лексемы *ψαλμόν* (*псальмóн*) – 'поминки по одному умершему спустя 10 лет после его смерти'.

В нашей экспедиции особое внимание уделялось и исследованию греческих захоронений: форме памятников, содержанию и языку надгробных надписей, оформлению надгробия и т. п. Если в небольших поселениях (Дубовая Балка, Греческое, Хасаут-Греческое, Санамер) есть кладбища с подавляющим количеством греческих захоронений, то новые городские кладбища Ессентуков можно назвать скорее смешанными. И даже на этих общих кладбищах захоронения греков визуально узнаваемы. Форма памятника зачастую отличается от других

²⁰ Подробнее про приготовление кутьи см. (Климова, Никитина 2022б: 172). Интересно отметить, что обычай украшения кутьи, записанный нами в Краснодарском крае (про него идет речь в указанной статье), у греков Кавказских Минеральных Вод отсутствует.

погребений – даже в советское время в Ставрополье изготавливали памятники, по форме похожие на старинные каменные надгробия, бытовавшие еще во времена проживания греков в Османской империи. Такие же надгробия встречаются на Цалке. Начиная с 1990-х гг. в оформлении надгробий и мест захоронения проникают чисто «греческие» элементы: античные колонны, надписи на новогреческом языке и специальные «домики» для свечей в форме церквей, повсеместно встречающиеся в современной Греции.

Отметим, что у греков-урумов наблюдается бóльшая сохранность мифологических воззрений, равно как и элементов семейной и календарной обрядности, в то время как у грекоговорящих ромеев народно-мифологические представления практически утрачены, а имена мифологических персонажей используются преимущественно во вторичном, метафорическом значении, сохраняясь лишь во фразеологических единицах. Нами были записаны представления о «ходячем» покойнике, которого в обеих языковых группах называют турецким словом *хортлах* (*χортλάχ*, *hortlah*). Лексема закреплена в том числе во фразеологизмах типа «бродить, как хортлах», «гулять по ночам, как хортлах». В качестве ругательства слово *хортлах* применяется в любой ситуации, когда человек ночью долго не ложится спать, например, засиживается допоздна за компьютером.

В терминологической лексике из сферы понтийской народной мифологии фиксируется множество других турецких заимствований, в том числе семантических. Так, для номинации ведьмы или колдуньи наряду с общегреческой лексемой *μάγισσα* (в понтийском диалектном варианте – *μάϊσσα*, *ма́иса*) использовался также вариант *τσαζού* (джазу) ‘ведьма’, мн. ч. *τσαζούδες* (джазудес). Широко распространены также мифологические нарративы о порче, *βασκαμία* / *βασκανία* (васкамия / васканиа) и сглазе, *ομιάτ* / *ομιατίαμα* (*омат* / *оматиама*), которые можно исцелить, «снять» традиционными способами, например, с использованием воды и соли, которую в ней растворяют.

Сейчас на обследованных территориях очень редко можно записать развернутые нарративы с описаниями мифологических персонажей или полные тексты классических быличек на понтийском диалекте греческого языка, а мифологическая лексика постепенно передается забвению. Одним из факторов утраты этого пласта представлений можно назвать исторические условия и сложный миграционный путь греков, проживающих сейчас в Кавказских Минеральных Водах. Большую часть XX века они прожили на территориях Грузии и Ставрополья при советском режиме, и если тюркоязычное

Советское надгробие на кладбище ст. Ессентукская, формой повторяющее традиционные памятники малоазийских греков (каменное надгробие, увенчанное крестом или куполом).

ет с общегреческой, фиксируются уникальные диалектные лексемы, такие как *μονάζω* (*монáзо*) ‘проводить время у покойника’, *μυροθανάτ* (*мироθanáт*) ‘поминки спустя неделю после Пасхи’, *ψαλμόν* (*псалмóн*) с двумя значениями (‘общие поминки по нескольким умершим’ либо ‘поминки по одному покойному спустя много лет’), *λημονημένον σάββα* (*лимониméнон сáван*) ‘поминальная суббота’, *σκώστικα* (*скóσтика*) ‘поминальный обед’. Названные лексемы специфичны для похоронно-поминальной сферы и имеют особую внутреннюю форму, зачастую связанную с ритуальными действиями (например, *σκώστικα* (*скóσтика*) ‘поминальный обед’ от *σκώνω το λείψανο* (*скóно то лимпсано*) ‘поднимать тело’, т. е. выносить гроб). Несмотря на то, что сами представления об «ином мире» практически утрачены среди понтийских греков,

население практически не было затронуто Греческой операцией НКВД, то грекофоны подверглись массовым репрессиям в рамках «Большого террора»²¹. Проявления народной религиозности, связываемые одновременно с двумя «нежелательными» для репрессивного режима идентификациями (греческой и религиозной), подавлялись и закономерно утрачивались.

Отметим, что если в сфере мифологической лексики заимствования из тюркского в понтийский довольно часты, то в лексике похоронно-поминальной обрядности они практически не обнаруживаются (исключением можно назвать лишь лексему *ταπούτ* ‘гроб’). Понтийская лексика далеко не всегда совпадает

21 Многие грекофоны были подданными Греческого Королевства, что ставило их под удар перед репрессивной политикой СССР. Репрессии в гораздо большей степени затронули Краснодарский край, чем Ставропольский.

мы зафиксировали как лексемы – номинации ада и рая, так и описательные фразы, употребляющиеся для иносказательного обозначения смерти, т. е. перехода души в иной мир (ср. *επήεν εκεί σου κόσμον του* (*эпиен эки сон козмон ту*) «он ушел туда, в свой мир»).

Изучение лексики тюркского и понтийского диалектов показывает высокую степень сохранности традиционной культуры. За счет проживания на Цалке, в отдаленных поселениях, однородных в этническом и языковом плане, среди понтийских греков, проживающих сейчас в Кавказских Минеральных Водах, наблюдается довольно высокая языковая компетенция в тюркском и понтийском диалекте, а также хорошо сохраняются представления о ритуальном комплексе. Наши информанты и их предки пережили не одну миграцию, а постоянные перемещения (а также репрессии и гонения) не способствуют сохранению уникальных этнолингвистических черт, на фиксацию которых направлены наши полевые исследования. Именно поэтому дальнейшее изучение современного состояния языков (как греческого, так и тюркского) и культуры понтийских греков, проживающих на территории России, представляется особенно ценным.

Источники и литература

Акритас П. Г. Греки Кавказа // Народы Кавказа. М.: Издательство АН СССР, 1962. Т. 2. С. 421–432.

Баранова В. В. Язык и этническая идентичность. Урумы и румеи Приазовья. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. 287 с.

Димидов В. И. Вспоминаю родное село Цинцкаро (Квирицховели). Новороссийск: Визарт, 2013. 531 с.

Елоева Ф. А. Понтийский диалект: На материале греческих бесписьменных говоров Грузии и Краснодарского края: автореферат дис. ... доктора филологических наук (10.02.19). Санкт-Петербург, 1997. 30 с.

Зимов Д. И. Русско-понтийский словарь. Пятигорск: ИП Кобызев, 2022. 400 с.

Иванова Ю. В. Из истории греческой диаспоры // Греческая культура в России XVII–XX вв. / отв. ред. Г. Л. Арш. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 107–125.

Иванова Ю. В. Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии (часть вторая) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии / ред. Ю. Д. Анчабадзе, Н. А. Лопуленко, С. В. Чешко. М.: Институт Этнографии АН СССР, 1991. С. 1–29.

Катанов М. Санамер. Генеалогия. Пятигорск: Издательство «РИА-КМВ», 2022. 324 с.

Климова К. А. Язык как базовый элемент этнической самоидентификации понтийских греков в киберпространстве // Балканский полилог: коммуникация в культурно-сложных сообществах. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 106–119.

Климова К. А., Никитина И. О. Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 249–260.

Климова К. А., Никитина И. О. Похоронно-поминальный обряд понтийских греков г. Сочи (по полевым материалам 2022 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 160–178.

Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. второе, доп. и испр. Л.: Наука, 1982. 360 с.

Пашаева Л. Б. Порядок раздела в семье урумов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. Т. IV. Тбилиси, 1972. С. 93–108.

Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009. 160 с.

Робакидзе А. И. К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы // Советская этнография. 1948. № 3. С. 120–127.

Стельник Е. В. Харос в византийском «народном православии» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 9. С. 53–56.

Стофорандов В. Поэтическая одиссея. Екатеринбург: Издательские решения, 2017. 158 с.

Чиговани Т. А. Формы взаимопомощи у цалкских урумов // Кавказский этнографический сборник. Т. IV. Тбилиси, 1972. С. 81–92.

Ророн А. Culture, Ethnicity and Migration After Communism: The Pontic Greeks. London: Routledge, 2016. 218 p.

Καρυπίδου Α. Τα ελληνικά χωριά της Γεωργίας. Ιστορικό λεύκωμα. Греческие села Грузии. Исторический фотоальбом. Салоники, 2021. 375 с.

Ξανθοπούλου-Κυριακού Α. Μεταναστεύσεις Ελλήνων στον Καύκασο κατά τον 19ο αιώνα // Δελτίο Κέντρου Μικρασιατικών Σπουδών. 1993. Τ. 10. Σ. 91–172.

Φωτιάδης Κ. Ο Ελληνισμός της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Αθήνα: Πρόδοτος, 1999. 328 σ.

References

- Akritas, P. G. «Greki Kavkaza.» *Narody Kavkaza*, vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962, pp. 421–432.
- Baranova, V. V. *Iazyk i etnicheskaia identichnost'. Urummy i rumei Priazov'ia*. Moscow: Izd. dom VShE, 2010, 287 p.
- Chikovani, T. A. «Formy vzaimopomoshchi u tsalkskikh urumov.» *Kavkazskii etnograficheskii sbornik*, vol. IV. Tbilisi, 1972, pp. 81–92.
- Dimidov, V. I. *Vspominaiu rodnoe selo Tsintskaro (Kvirotshoveli)*. Novorossiisk: Vizart, 2013, 531 p.
- Eloeva, F. A. *Pontiiskii dialekt: Na materiale grecheskikh bespis'mennykh govorov Gruzii i Krasnodarskogo kraia: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk (10.02.19)*. St Petersburg, 1997, 30 p.
- Ivanova, Iu. V. «Etnosotsial'nye problemy grecheskogo naseleniia Gruzii (chast' vtoraiia).» *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii*, ed. by Iu. D. Anchabadze, N. A. Lopulenko, S. V. Cheshko. Moscow: Institut Etnografii AN SSSR, 1991, pp. 1–29.
- Ivanova, Iu. V. «Iz istorii grecheskoi diaspory.» *Grecheskaia kul'tura v Rossii XVII–XX vv.*, ed. by G. L. Arsh. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 1999, pp. 107–125.
- Karipidou, A. *Ta ellinika khoría tis Yeoryías. Istorikó léfkoma*. Thessaloniki, 2021, 375 p.
- Katanov, M. *Sanamer. Genealogiia*. Piatigorsk: Izdatel'stvo «RIA-KMV», 2022, 324 p.
- Klimova, K. A. «Iazyk kak bazovyi element etnicheskoi samoidentifikatsii pontiiskikh grekov v kiberprostranstve.» *Balkanskii polilog: kommunikatsiia v kul'turno-slozhnykh soobshchestvakh*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2018, pp. 106–119.
- Klimova, K. A., Nikitina, I. O. «Pokhoronno-pominal'nyi obriad pontiiskikh grekov g. Sochi (po polevym materialam 2022 g.).» *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 2022. vol. 17, no 3–4, pp. 160–178.
- Klimova, K. A., Nikitina, I. O. «Traditsionnaia kul'tura i iazyk “russkikh grekov” g. Sochi: obzor etnolingvisticheskoi ekspeditsii.» *Slavianskii al'manakh*, 2022, no 3–4, pp. 249–260.
- Kononov, A. N. *Istoriia izucheniiia tiurkskikh iazykov v Rossii. Dooktiabr'skii period. Izdanie vtoroie, dopolnennoe i ispravlennoe*. Leningrad: Nauka, 1982, 360 p.
- Pashaeva, L. B. «Poryadok razdela v sem'ye urumov v proshlom.» *Kavkazskiy etnograficheskii sbornik*, vol. IV. Tbilisi, 1972, pp. 93–108.
- Photiádis, K. *O Ellinismós tis Rosías kai tis Sovietikís Énosis*. Athína: Iródotos, 1999, 328 p.

Plotnikova, A. A. *Materialy dlia etnolingvisticheskogo izucheniia balkano-slavianskogo areala*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 2009, 160 p.

Popov, A. *Culture, Ethnicity and Migration After Communism: The Pontic Greeks*. London: Routledge, 2016, 218 p.

Robakidze, A. I. «K voprosu o nekotorykh perezhitkakh kul'ta ryby.» *Sovetskaia etnografiia*, 1948, no 3, pp. 120–127.

Stel'nik, E. V. «Kharos v vizantiiskom “narodnom pravoslavii”.» *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, no 9, pp. 53–56.

Stoforandov, V. *Poeticheskaia odisseia*. Ekaterinburg: Izdatel'skie resheniia, 2017, 158 p.

Xanthopoúlou-Kiriakoú, Á. «Metanastéfsis Ellínon ston Káfkaso katá ton 19o aióna.» *Deltío Kéntrou Mikrasiatikón Spoudón*, 1993, vol. 10, pp. 91–172.

Zimov, D. I. *Russko-pontiiskii slovar'*. Pyatigorsk: IP Kobyzhev, 2022, 400 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.15

К. А. Климова, И. О. Никитина

**Traditional culture of the *Romaioi* Greeks and *Urumlar* Greeks
(on the materials of the ethnolinguistic expedition to the Greeks
of Caucasus Mineral Waters region)**

Ksenia A. Klimova

Candidate of Letters, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, GSP-1, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation

Researcher

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kaklimova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0105-6543

Inna O. Nikitina

PhD student

European University at St. Petersburg

191187, 6/1A Gagarinskaya st., St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: solreyne@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2696-8362

Citation

Klimova K. A., Nikitina I. O. Traditional culture of the *Romaioi* Greeks and *Urumlar* Greeks (on the materials of the ethnolinguistic expedition to the Greeks of Caucasus Mineral Waters region) // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 302–319 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.15

Acknowledgements

Inna Nikitina's work was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

Received: 06.05.2023.

Revised: 01.08.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

This paper presents the materials collected during an ethnolinguistic expedition to the Greeks of Caucasus Mineral Waters region in January 2023. The Greek population of this area consists of two language groups: the *Urumlar* Greeks, who speak the Turkic dialect, and the *Romaioi* Greeks, who speak the Pontic dialect of the Greek language. The nominations of these two groups and their languages are analyzed in this paper. It also includes a brief historical background on the resettlement of the Greeks to the Russian Empire and describes the current state of the social and cultural life of the diaspora. The main goal of the expedition was to fix the vocabulary of funeral and memorial rituals in the Turkic and Pontic dialects. The lexemes and expressions in two languages are presented in this paper. Many lexemes of the Pontic dialect are unique, having no analogues in the Modern Greek language: for example, *λυτρία* (*litria*) 'wake' or *σκώστικα* (*skóstika*) 'memorial dinner'. The vocabulary used for the nomination of mythological characters is also considered in this paper. It is noted that among the Pontic-speaking population, narratives about mythological characters are practically lost.

Keywords

Greeks of Russia, Greek Traditional Culture, Ethnolinguistics, Pontic Greeks, Funeral and Memorial Rites.